

НОЧЬ НЕОБЫКНОВЕННОЙ ПТИЦЫ

I

В Ночь Необыкновенной Птицы многие в Сиддертоне (и кое-где еще ближе) видели Сияние над Сиддерфордской пустошью. Но в Сиддерфорде его не видел никто, потому что почти весь Сиддерфорд уже спал.

Весь тот день бушевал ветер, чем дальше, тем сильнее, и жаворонки на пустоши прерывисто щебетали над самой землей, а если поднимались выше, то их уносило, как сухие листья. Солнце село в кровавое месиво туч, а луна так и не показалась. По словам тех, кто видел Сияние, оно было золотистым, словно луч света, падающий с неба, и не равномерным, подобно зареву, а иссеченным зигзагами вспышек, похожих на отблески от взмахов мечей. Сияние длилось всего мгновение и погасло, оставив после себя непроядный мрак ночи. В журнале «Нейчер» были напечатаны несколько писем по этому поводу и одна сделанная наспех зарисовка, которую все сочли не слишком похожей. (Эту не слишком похожую зарисовку вы можете увидеть сами в т. SCLX указанного журнала, на странице 42.)

Сияния в Сиддерфорде не видел никто, но Энни, жена Мошенника Дэргена, лежавшая без сна, увидела его отражение — мерцающий золотой язычок пламени, который плясал на стене.

Она была и одной из тех, кто слышал звуки. Кроме нее, их слышали еще два человека: слабоумный Дурень Дэрген и мать Эмори. Все они говорили, что это было похоже на пение детских голосов под перебор струн арфы, сопровож-

даемое стремительным каскадом нот вроде того, какой иногда издает орган. Звуки возникли и оборвались неожиданно, словно кто-то открыл и тут же закрыл дверь, — ни перед тем, ни после не слышно было ничего, кроме завывания ночного ветра над пустошью и шума прибоя в пещерах под Сиддерфордским утесом. Мать Эмори говорила, что от этих звуков ей захотелось плакать, а Дурень жалел, что слышал так мало.

Вот и все, что могут вам рассказать о Сиянии над Сиддерфордской пустошью и о музыке, которая якобы слышалась тогда. Действительно ли и то и другое имеет какое-нибудь отношение к Необыкновенной Птице, история которой будет изложена ниже, — мне неизвестно. Однако я решил привести здесь эти сведения по причинам, которые станут очевидными из дальнейшего.

ПОЯВЛЕНИЕ НЕОБЫКНОВЕННОЙ ПТИЦЫ

II

Сэнди Брайт возвращался из лавки Спиннера с куском копченой свиной грудинки, который получил в обмен на часы. Никакого света он не видел, но слышал и видел Необыкновенную Птицу. Ему вдруг послышались хлопанье крыльев и голос, похожий на женский вопль. От этих звуков ему, человеку нервному, да еще оказавшемуся в полном одиночестве на пустынной дороге, стало не по себе. Он в тревоге обернулся (весь дрожа от страха) и увидел на фоне кедровника, черневшего выше по склону, что-то большое и темное — оно как будто опускалось прямо на него. Забыв обо всем, он бросил свою грудинку и пустился бежать, но тут же растянулся на земле.

Тщетно пытался он — таково было охватившее его смятение — припомнить, как начинается «Отче наш». В воздухе над ним повисла Необыкновенная Птица — большая, больше его самого, с широко распростертыми крыльями и, как ему показалось, черного цвета. Он завопил от ужаса, решив, что пришел ему конец. Но птица миновала его, плавно скользнула к подножью холма, взмыла

вверх над домом викария и исчезла в тумане, висевшем над долиной, в направлении Сиддерфорда.

А Сэнди Брайт долго лежал ничком, уставившись в темноту, где скрылась Необыкновенная Птица. Наконец он встал на колени и, не переставая поглядывать в ту сторону, возблагодарил милосердные небеса за свое избавление. А потом двинулся вниз, в деревню, громко каясь на ходу в своих прегрешениях — на случай, если Необыкновенная Птица вдруг вздумает вернуться. Все, кто его слышал, решили, что он пьян. Но с той ночи он стал другим человеком: бросил пить и больше не обманывал казначейство, торгуя серебряными украшениями без патента. А кусок копченой свиной грудинки так и остался лежать на склоне холма, пока его утром не обнаружил там один торговец из Портбердока.

Следующим, кто видел Необыкновенную Птицу, оказался письмоводитель стряпчего из Айпинг-Хэнгера, который взбирался на холм, чтобы перед завтраком полюбоваться на восход солнца. За ночь ветер разогнал тучи, оставив лишь отдельные таявшие в небе клочья. Сначала письмоводитель подумал, что видит орла. У самого зенита, в невероятной дали, выше розовых перистых облаков виднелось крохотное яркое пятнышко. Трепеща крыльями, птица словно билась о небосвод, как залетевшая в дом ласточка бьется об оконное стекло. Потом она опустилась ниже, в земную тень, скользнула, описав гигантскую дугу, в сторону Портбердока, сделала крут над Хэнгером и скрылась за деревьями Сиддермортонского парка. Она казалась очень большой — больше человека. За мгновение перед тем, как она исчезла, лучи восходящего солнца прорвались из-за гребня холма и коснулись ее крыльев, которые вспыхнули ярким пламенем, переливаясь всеми цветами драгоценных камней, и тут же погасли, а письмоводитель так и остался стоять разинув рот.

Какой-то пахарь, шедший на свое поле вдоль каменной ограды Сиддермортонского парка, видел, как Необыкновенная Птица на мгновение мелькнула над ним и скрылась в затянутой туманом прогалине среди буков. Цвета ее крыльев он не разглядел, а мог лишь засвидетельствовать,

что у нее длинные ноги розового цвета, словно обнаженное тело, а туловище в белых крапинках. Птица стрелой пронеслась в воздухе и исчезла.

Это были первые три очевидца появления Необыкновенной Птицы.

Когда в наши дни кто-нибудь окажется до смерти напуган дьяволом и устрaшен мыслью о собственной греховности или же увидит на рассвете какие-то необыкновенные радужные крылья, он вряд ли сможет никому ничего об этом не сказать. Юный писемоводитель стряпчего поведal обо всем за завтраком матери и сестрам, а потом, по пути в свою контору в Портбердоке, поговорил об этом с кузнецом из Хаммерпонда, и все утро в конторе вместо того, чтобы переписывать бумаги, дивился со своими приятелями происшедшему. А Сэнди Брайт отправился потолковать об этом деле с баптистским священником мистером Джекиллом, пахарь же рассказал все старому Хью, а несколько позже — Викарию Сиддермортонского прихода.

— Здешние жители не наделены чрезмерным воображением, — сказал Викарий. — Хотел бы я знать, что тут правда. Если не считать того, что крылья показались ему бурыми, эта птица удивительно похожа на фламинго.

ОХОТА НА НЕОБЫКНОВЕННУЮ ПТИЦУ

III

Викарий Сиддермортонского прихода (это в девяти милях по прямой линии от Сиддермута, что на побережье) увлекался орнитологией. Одинокий мужчина в его положении почти неизбежно должен иметь какое-нибудь любимое занятие в этом роде — ботанику, собиpание древностей или фольклора. Кроме этого, Викарий увлекался геометрией и время от времени посылал в педагогическое приложение к «Таймсу» неразрешимые задачи для всеобщего обсуждения, но орнитология была его страстью. Он уже добавил двух залетных гостей к списку редких птиц Британии. Его имя не раз появлялось на страницах «Зоолога» (хотя боюсь, что теперь оно уже забыто, ведь жизнь

течет так быстро). А на следующий день после появления Необыкновенной Птицы сначала один, а потом и другой человек подтвердили рассказ пахаря и сообщили Викарию — пусть даже одно к другому и не имело отношения — о Сиянии над Сиддерфордской пустошью.

Надо сказать, что у Викария было два соперника в его научном увлечении: Галли из Сиддертона, который собственными глазами видел Сияние — он-то и прислал зарисовку в «Нейчер», — и Борленд, торговец пособиями по естественной истории и владелец морской лаборатории в Портбердоке. По мнению Викария, Борленду следовало бы ограничиваться своими веселогими ракообразными, но вместо этого он держал таксидермиста и, пользуясь преимуществами своего прибрежного расположения, отлавливал редких морских птиц. Всякому, кто хоть что-нибудь понимает в коллекционировании, ясно было, что не пройдет и двадцати четырех часов после появления необычной гостьи, как оба эти человека кинутся прочесывать окружающую местность.

Взгляд Викария, находившегося у себя в кабинете, упал на корешок «Птиц Британии» Сондерса. Там уже в двух местах значилось: «Единственный экземпляр, известный в Британии, добыт преподобным К. Хильером, викарием Сиддермортонского прихода». Третье такое упоминание? Вряд ли подобного удостоился еще хоть один коллекционер.

Викарий посмотрел на часы — ровно два. Он только что пообедал, после чего обычно «предавался отдыху». Он знал, что если сейчас выйдет на солнцепек, то ему непременно напечет и макушку, и все остальное, и потом он будет скверно себя чувствовать. Но Галли наверняка уже в пути и обшаривает зорким взглядом окрестности. Что, если это окажется нечто весьма интересное и заполучит это Галли?

Ружье Викария стояло в углу. (Радужные крылья и розовые ноги! Какой необыкновенно волнующий цветовой контраст!) Он взял ружье.

Чтобы не попасть на глаза своей экономке, он собирался выйти через стеклянные двери на веранду, откуда в сад и на дорогу, ведущую на холм. Ему было прекрасно известно, что такие охотничьи экспедиции не встречают у нее одобрения. Но тут он увидел, что по саду приближа-

ются жена его помощника и две ее дочери с теннисными ракетками в руках. Жена его помощника, молодая женщина, отличавшаяся невероятной силой характера, вечно играла в теннис на газоне Викария, срезала его розы, спорила с ним по богословским вопросам и во всеуслышание осуждала его образ жизни. Он панически ее боялся и постоянно перед ней заискивал, хотя своей орнитологии до сих пор оставался верен...

Тем не менее он вышел все-таки через парадную дверь.

IV

Если бы не коллекционеры, Англия, можно сказать, была бы полным-полна редких птиц и удивительных бабочек, диковинных цветов и тысяч других интересных вещей. Но к счастью, коллекционер ничего такого не допускает, либо убивая их собственной рукой, либо назначая за них немислимое вознаграждение и тем самым толкая низшие сословия на убийство всякого необычного существа, стоит ему только появиться. Это дает людям работу, пусть даже и противоречит постановлениям парламента. Таким путем он истребляет, например, клушицу в Корнуолле, белую бабочку в Бате и дикую лилию «Королева Испанская» и может похвастать тем, что уже искоренил большую гагарку и сотню других редких птиц, растений и насекомых. Все это — дело рук коллекционера и только его заслуга. Во имя Науки. И это правильно, так и должно быть: в самом деле, все, что необычно, — безнравственно (подумайте-ка над этим как следует, если пока еще так не считаете), точно так же, как оригинальное мышление — признак безумия. (Попробуйте-ка найти иное определение, которое подойдет ко всем случаям и того и другого.) А если какой-нибудь вид редок, то он, значит, неспособен выжить. Коллекционер, в сущности, подобен пешему воину во времена закованных в броню всадников: он оставляет в покое сражающихся и перерезает глотки выбитым из седла. Поэтому летом вы можете пройти всю Англию из конца в конец и увидеть лишь восемь-десять разновидностей заурадных диких

цветов, только самых обычных бабочек и с десяток наиболее распространенных птиц, так что ваш взгляд не будет оскорблен никаким нарушением однообразия, ни одним всплеском красок незнакомого цветка или взмахом крыла неведомой птицы. Все остальное уже много лет как «взято в коллекцию». За что все мы и должны обожать коллекционеров и помнить, чем им обязаны, созерцая их убогие собрания. Все эти пропахшие камфарой ящички, стеклянные витринки и переложенные промокательной бумагой гербарии — не что иное, как могилы Редкого и Прекрасного, символы Торжества Досуга (проведенного самым высокоморальным образом) над Радостями Жизни. (Впрочем, все это, как вы совершенно справедливо заметили, не имеет к Необыкновенной Птице ни малейшего отношения.)

V

Есть на пустоши место, где среди сочного мха поблескивает черная вода и волосистая росянка, пожирающая неосторожных насекомых, простирает свои ненасытные запятнанные кровью руки к Господу Богу, отдавшему одним своим созданиям других для пропитания. Там на сухой гряде поднимаются серебристые стволы берез, и мягкая зелень лиственниц перемежается темно-зелеными елями. Туда-то в самую жаркую пору дня по дышащему медом вереску и направлялся Викарий, неся под мышкой ружье, заряженное крупной дробью, которая предназначалась для Необыкновенной Птицы. А через свободную руку у него был перекинут носовой платок, которым он снова и снова утирал пот, каплями выступавший на лице.

Миновав обширное озерцо и усыпанный бурями листьями омут, где берет свое начало Сиддер, он по дороге, сначала песчаной, а потом меловой, дошел до калитки, ведущей в парк. К калитке нужно подняться на семь ступенек, а по ту сторону спуститься на шесть — чтобы не могли убежать олени. Поэтому, когда Викарий оказался в проеме калитки, его голова возвышалась над землей футов на десять или даже больше. И вот, бросив взгляд туда, где между двумя

купами буков пышно разрослись папоротники, он заметил, как среди них мелькнуло и тут же исчезло что-то пестрое. Лицо его просияло, мышцы напряглись; втянув голову в плечи, он стиснул ружье обеими руками и застыл неподвижно. Потом, пристально вглядываясь в то место, спустился по ступенькам в парк и, по-прежнему держа ружье двумя руками, крадучись направился к зарослям папоротника.

Там не было заметно никакого движения, и Викарий уже стал опасаться, не обманули ли его глаза. Он вошел в заросли, погрузившись в них по грудь, и стал с шумом пробираться вперед. И тут прямо перед ним, ярдах в двадцати, а то и меньше, вдруг показалось что-то переливающееся радужными цветами и затрепетало в воздухе. Еще мгновение, и оно, взмыв над папоротником, распростерло крылья. Когда Викарий разглядел, что это такое, у него захватило дух, и от неожиданности он привычным движением спустил курок.

Раздался вопль нечеловеческой муки, крылья дважды взмахнули в воздухе, жертва косо скользнула вниз и рухнула на поросший травой склон позади — судорожно бьющееся тело, перебитое крыло и разлетающиеся окровавленные перья.

Викарий стоял ошеломленный, держа в руке дымящееся ружье. Оказалось, что это вовсе не птица, а юноша с удивительно прекрасным лицом, в каком-то просторном одеянии шафранно-желтого цвета и с радужными крыльями. Он корчился от боли, и по крыльям его пробегали волны цвета, сменяя друг друга и вспыхивая то пурпурным и алым, то золотисто-зеленым и ярко-голубым. Никогда еще Викарий не видел такого буйного потопа красок — ничто на свете не могло с ним сравниться: ни церковные витражи, ни крылья бабочек, ни даже разноцветные ореолы, какие можно видеть сквозь хрустальную призму.

Дважды Ангел (ибо это был ангел) привставал, но каждый раз снова падал на бок. Крылья его бились все слабее, по лицу, на котором был написан ужас, разливалась бледность, потоп красок тускнел. Внезапно он со стоном распростерся на земле, и переливающиеся цвета на перебитых крыльях померкли, слившись в однообразный тускло-серый тон.